

Тамаряна Азовская

«ЕСЛИ ДУША РОДИЛАСЬ КРЫЛАТОЙ...»

Быт и бытие Тамары Шабарениной

Она давно перестала быть только «уральской поэтессой». Член Союза писателей России, автор трёх поэтических и четырёх прозаических книг, Тамара Михайловна публиковалась в казахстанских и российских журналах, была лауреатом Международной ярмарки «Деловая женщина», проходившей в южной столице нашей республики, лауреатом Аксаковской премии, учреждённой Оренбургским отделением Союза писателей России. Короче, местечковые мерки к ней никак не подходят.

Человек она непрактичный. Наоборот: практицизм ей просто противопоказан. Не умеет лицемерить, не может постоять за себя. Как сама о себе сказала: «Благодаря расчётливый холод мне не подарен». А самое главное – она талантлива!

Слушаю ее воспоминания (а рассказчица она замечательная, – самоирония просто искрящаяся) и понимаю: всё, чего достигла она, произошло не благодаря, а вопреки обстоятельствам и той жизненной программе, которую наметила ей судьба, особенно, когда эти обстоятельства проверяешь её стихами. Просто кричать хочется: – Так не бывает! Слово ее быт и бытие идут параллельно.

В этом году она празднует свой юбилей. Поздравляю, Тамара! И благодарю судьбу за радость быть твоим другом.

Родом она из Пермского края, из тех мест, где Данила-мастер встретился с Хозяйкой Медной горы, где нашёл добрый сказочник Павел Бажов малахитовую шкатулку. Где-то на склонах Уральских гор притаился рабочий поселок Пашия. Вот там в первый послевоенный год в семье Михаила Ивановича и Аграфены Осиповны Шабарениных и появился шестой ребёнок, «наш поскрёбыш», как говорила мама, «Томка из котомки», – вторил ей отец.

А котомка была нищенской, а жизнь – совсем не сказочной. Отец вернулся с фронта после тяжёлой контузии, последствия которой вся семья испытала в полной мере. «Он был для меня страхом, стыдом, никем», – напишет потом Тамара.

И объяснит: «Он вынес из огня державу, принёс домой своё тело. Душу не смог». В приступах злой тоски он становился агрессивным настолько, что нахо-

даться с ним под одной крышей было опасно. Спасались у соседней. Дети вообще старались не попадать ему на глаза, а мама...

Мама жалела и оправдывала мужа и перед детьми, и перед людским правосудием. Да и меньшая дочь вспоминает, что в минуты просветления отец становился веселым и добрым. И первые стихи Пушкина и Лермонтова она услышала именно от него. А ещё она вспоминает, как на бревенчатые прочерневшие стены сестры вешали цветные вкладки из «Огонька», и Томка глаз не могла отвести от гордого взгляда Неизвестной Крамского и объятой ужасом Помпеи, на которую обрушила гнев Везувия кисть Брюллова. (Всё-таки удивительный мы народ! Михаил Иванович не был отягощён аттестатами и дипломами об образовании – всего три класса начальной школы, семья жила впроголодь, а стихи звучали, а картинами любовались!)

В родном доме её жизненное пространство находилось под столом, – «чтоб старшие не затолкали». К маме часто приходили соседки, не верящие в похоронки или сообщения о пропавших без вести мужьях и сыновьях. Война давно закончилась, а они все ждали. «Груня, раскинь карты: может, жив мой!» Все считали, что грунины карты вернее казенных бланков. Сидя под столом, Тамара разглядывала юбки соседок, прижимая к груди тряпичную куклу, завернутую в старую тряпицу.

И вот однажды перед взглядом четырехлетней девочки появилось чудо чудное: свободными волнами перед ней ниспадал широкий подол панбархатной юбки, – на голубом фоне цвели невероятной красоты цветы. Томка так и замерла. Потом пальчиком провела по материи, подумав, что кукла в таком наряде была бы настоящей красавицей. Соблазн был столь велик, что она взяла ножницы и отрезала от юбки лоскут – на платье своей тряпичной замарашке. Видно, юбка была так широка, что обладательница панбархатного чуда даже не почувствовала совершаемой над ним операции. А мамыны предсказания давали ей надежду на скорую встречу, так что из дома Шабарениных она ушла радостной. Мама ахнула, увидев восторженное лицо дочки.

– Попало тебе? – с состраданием спрашиваю я.

– Наверно, попало, – смеясь, отвечает Тамара. – Не помню уже. Тогда счастья от совершенного злодеяния никакое наказание затмить не могло.

Надо сказать, что соседка не пришла выяснять отношений, обошлось без скандала.

А в семь лет Томку отдали в няньки. Точнее, первая её учительница, увидев худобу первоклашки Тамары, позвала её к себе, объяснив Аграфене Осиповне: «И мои дети будут под присмотром, и твоя – накормлена». Няньку не очень тяготили новые обязанности, наоборот: она словно в другой мир попала, тут ели каждый со своей тарелки, а не из общей сковороды, как у них в доме, тут радовались друг другу, тут и родная речь звучала по-особенному, словно по радио кто говорил. Но самым большим сокровищем для Тамары были книжные полки. И она мечтала, что вот как вырастет – обязательно узнает, куда скакал всадник без головы и какие сокровища прятал загадочный остров. А уж когда к очередному 1 сентября Нина Александровна, учительница, подарила ей настоящую школьную форму – первое шерстяное платье и два фартука – белый и черный!.. Никогда больше не чувствовала она так своей значимости! Ей казалось, что все вокруг смотрят на неё с восхищением. И совсем не важно,

что на ногах – сестринские боты, не по размеру большие с набитыми в носки газетами, чтоб с ног не свалиться. Да вы что, разве не видите: не боты это все, а хрустальные туфельки Золушки!

Но у каждой добродетели есть обратная сторона. Нину Александровну не очень заботила успеваемость ее помощницы, видимо, полагала, что знания при такой бедности не пригодятся. Оценки ставила ей, не глядя, из класса в класс переводила. И вышло так, что, оказавшись в средней школе, хуже Шабарениной никто не учился. Вызывали в школу маму, та разводила руками: мол, ничего поделать не могу, такая уж она у нас никудашня. Тогда за дело взялась школьная общественность. Раз мать помочь не может, надо разговаривать с отцом. Пришли вожатые из старших классов, взяли Тамару в кольцо и повели на расправу. Никто ведь не знал, каков Михаил Иванович в гневе. Девочка сначала старалась убедить поборников успеваемости, что «отец за дочь не отвечает», но это не помогло. И она почти смирилась, шла и думала, что, должно быть, так же страшно и тяжело было Зое Космодемьянской, когда фашисты вели ее на казнь. Тогда она решила бежать.

И поскольку школа стояла на каменистом холме, а дом находился в ложбине, Тома, вырвавшись из окружения, села на портфельчик и покатила вниз, радуясь, что теперь-то ее не догонят, совсем забыв, что в подножье холма проходила заводская узкоколейка. Где-то на полпути портфельчик выскользнул из-под нее, и дальше каждый продолжал спуск автономно, прямо к рельсам, по которым двигался железнодорожный состав. Портфельчик оказался проворнее, он сразу же нырнул под колеса товарняка, оставив о себе одни воспоминания. Тамара же, собственной спиной испытав гранитную твердость уральских отрогов, краем глаза отметила последнюю платформу состава...

Очнулась она уже дома. Мама, сокрушаясь: «вся спина – сплошной синяк», обкладывала тело дочки капустными листьями. Их прикосновение было так приятно, что девочка еле слышно попросила: «Мама, ты мне и сердце в капустный лист заверни»...

И как раз в эту пору сплошных унижений и нравочений, высокомерных взглядов одноклассников Тамара написала одно из самых лучших стихотворений.

Осенний день в традиционной бронзе
И в тишине, как лодка на плаву.
Сентябрь, сентябрь! Висит на нитке солнце,
Вот-вот сорвется в жухлую траву.
Тогда лучи протянутся, как рельсы,
И станет мне и городу темно.
Сентябрь, сентябрь! Слегка привстало сердце,
Чтоб посмотреть на школьное окно.

Она отправила стихотворение в районную газету, и его опубликовали. Так началась творческая биография Тамары Шабарениной. И вот что интересно: трудности быта никак не отражались на радостном настрое ее юношеской поэзии.

– Да я и на самом деле не чувствовала себя несчастной, – говорит Тамара. – Нам же так мало нужно было для радости. Купят новую ленту – радость, вдруг появится в доме лишний кусок сахара – радость. А что бедно жили, так разве ж мы одни. У нас, считай, весь поселок достатком похвастать не мог. Поэтому никто никому не завидовал и замки на двери не вешал...

В середине пятидесятых три сестры Шабарениных уехали в Казахстан на целину. В письмах они сообщали, что поселок их находится недалеко от станции, – сядешь в автобус, речку переедешь, – и вот он, их строящийся совхоз. Тамара эту информацию воспринимала вполуха. Перед ней стояла другая задача. В седьмом классе к ним пришел новый учитель математики, недавний выпускник пединститута. И ей очень хотелось, чтобы этот человек хоть чуть-чуть повнимательней посмотрел на нее. Но кому нужна была двоечница! Он, даже если и обращался к ней, то только по фамилии, а так хотелось, чтоб он – ну, хоть раз! – произнес ее имя! И Тамара засела за математику, начиная с учебников пятого класса. За год самостоятельно она прошла двухлетнюю программу, запоминая формулы и доказывая теоремы. И эта точная наука перестала ее пугать, и оказалось, что Томка совсем не «некудышняя», и что «пятерка» вовсе не запредельная мечта. А главное, в конце года учитель все-таки назвал ее по имени! Более того, закончив восьмой класс, она без труда поступила в индустриальный техникум.

Вот только учиться не пришлось – заболела мама.

Все о маме, все о маме,
 Как о маме рассказать?
 Обведенные годами
 Невеселые глаза.
 Все о маме, все о маме,
 Все она передо мной.
 Прядь седая – испытанье
 Голодухой и войной...
 Крест надежный россияне
 Сколотили, понесли...
 Чтоб стоял он, деревянный,
 В изголовии земли!

Чуть ли не на второй день после похорон Аграфены в их доме появилась другая женщина. Отец сказал: «Тебе уже пятнадцатый год, кормить тебя не намерен. Ищи другое жилье!» Какое-то время Тамара пряталась на чердаке, но была застукана мачехой. Ярости отца не было предела. И Томка пошла на преступление. Дождавшись, когда никого не будет дома, выкрала из родительской копилки пятнадцать рублей, бросила в маленький чемоданчик – «балетку» смену белья и – опрометью на вокзал.

– Мне билет в Казахстан, – сказала она кассирше.

– Куда именно? – спросила та.

Точного адреса девочка не знала, поэтому повторила: – В Казахстан.

И кассирша, пожав плечами, выписала ей билет да станции Казахстан, которая ныне больше известна как город Аксай.

Путь был долгим. А в кармане лежал один-единственный рубль.

– Страшно было? – спрашиваю.

– Нет, наоборот. Было чувство облегчения и безопасности.

На второй день попутчик, сидящий напротив, протянул ей бутерброд.

– Ешь давай!

– Не хочу, – сказала Тамара.

– Что значит – «не хочу»? Я же заметил: ты за вчерашний день ни крошки не съела. Ешь!

Сколько раз потом, когда, кажется, безнадега схватила за горло, рядом окажется кто-то и протянет руку помощи!..

На привокзальной площади станции Казахстан стояло несколько автобусов. На лобовом стекле одного из них была табличка: «совхоз «Пугачевский». Тамара почему-то подошла именно к нему.

– А вы через речку будете переезжать?

Шофер кивнул.

– Возьмите меня. Только я без билета.

Шофер усмехнулся: – Ладно, садись.

Когда переехали речку, Тамара вышла из автобуса и пошла вдоль дороги. И – мистика! – ей навстречу шла родная сестра!..

Так она обрела новую родину. Зимой занималась на курсах механизаторов, а весной стала помощницей тракториста.

Из безызвестного Лукоморья

Рассвет тянулся руками к полю...

В комбинезоне, платок – по-бабьи,

Я горизонтами строго правлю.

Раздолье – справа, приволье – слева.

Я – королевее королевьи!

И ничего, что на плечах королевы не мантия, а серый ватник, что на ногах – кирзовые сапоги, что на ладонях – совсем не великосветские мозоли, а к вечеру – одно желание: поскорее добраться до койки. Зато вся эта неоглядная степь принадлежала ей!

А еще через год вместе с подругой Тамара Шабаренина отправилась в Уральск на учебу... Подруга сказала: «Поступать будем в торговый техникум!» В пору тотального дефицита, когда товары на витрину не выставляли, а «выбрасывали», а народ не покупал, а «доставал» их, профессия продавца была престижной. Тамара вовсе не хотела связывать свою жизнь с прилавком, но и подругу обижать тоже не хотелось, – та с первого шага в городе взяла ее под опеку, а внимания и заботы Томе всегда не хватало. Но в торговом техникуме не было общежития, поэтому с мечтой о престижной жизни пришлось расстаться. На одной из Досок объявлений прочитали сообщение, что ПТУ мясокомбината набирает учащихся и нуждающихся обеспечивает жильем. «Все! – сказала подруга. – Это что надо! Всегда будем колбасу есть!»

В кишечном цехе мясокомбината Тамара – в общей сложности – проработала пять лет. Нескончаемые километры кишок надо было освободить от их содержимого, а, как вы догадались, заполнены они были вовсе не ароматной карамельной начинкой. Иногда кишки рвались, и тогда все, что было внутри, летело в лицо работницы. И так изо дня в день – вонь и сырость, сырость и вонь.

Однажды у самой проходной закрыла глаза и прошагала мимо комбината. Шла и шла, пока не оказалась на уральном берегу затона. Думала, никогда больше не вернется обратно. Но добрая женщина из профкома, видя, что уговоры не действуют, как козырную карту достала, привела последний довод: «Не выйдешь на работу, потеряешь общежитие, да и за спецовку придется заплатить!» Вернулась.

Но наперекор всему, что входило в понятие «трудовые будни», которые никак не могли восприниматься праздниками, шла другая работа, сокровенная, любимая.

Вот и сентябрь ушел беспечный,
 Огонь рябиновый погас.
 На остановке на конечной
 Я жду автобус битый час.
 А этот дождик морозящий
 Ветвится мелко, словно мох.
 Непромокаемый мой плащик
 Так не по-дружески промок.
 Примяты сумерками зданья,
 На плечи давит небосвод.
 И счастья нет по расписанью,
 А мне все верится: придет!

Ранние стихи Шабарениной светлы и прозрачны, как акварельный рисунок. В них торжество вдохновения побеждает достоверность житейских фактов. К ним, ранним своим стихам, она отнесется сурово, приговорив: «В них ни единой мысли нет!» Это неправда! В них – зоркий взгляд взрослеющей души, способной увидеть чудо жизни в будничной повседневности.

Ручей весной за волю бьется
 И над прямым пробором дня
 Такое медленное солнце
 Стекает струйками огня.
 Зима опала и поблекла,
 И нет уж памяти о ней.
 И только слезно плачут окна,
 Чтоб стать, отплакавшись, светлей...

Однажды, отжавшись, она принесла стихи в «Приуралье». Первыми читателями их в областной газете стали Алексей Васильевич Кабанов и Борис Борисович Пышкин. Каждый из них – легенда Уральска. Алексей Васильевич был не просто талантливым журналистом, – он прекрасно музицировал, одно время обучал игре на скрипке студентов Уральского педучилища, сам сочинял стихи и музыку к ним. Фраза из его песни «Я люблю Приуралье, я – степной человек» долгие годы была визитной карточкой областного радио. А Борис Борисович знал историю нашего города так, как никто другой. И рассказчиком он был первоклассным!

Юная поэтесса не ожидала таких хвалебных слов в свой адрес. А уж когда в газете появилась целая подборка ее стихотворений, да еще с фотокарточкой, – радости не было границ! Думалось, что теперь жизнь пойдет по-другому. Но «другого» не случилось. Оваций от своих товарок по мясокомбинату она не услышала. Наоборот, почувствовала какую-то настороженность, услышала откровенные насмешки. Эти женщины не были злыми или жестокосердными, просто в стереотип их восприятия мира Томка не вписывалась. Она была другой, непонятной.

Ну, а если учесть просто патологическую рассеянность Тамары, которую можно объяснить внутренней сосредоточенностью, погружением в свой мир, неумением следовать общепринятым правилам, то вот вам и ярлык готов: «юродивая», «убогая». И никто, наверно, не вспомнил изначальный смысл этих слов, что «юродивый» среди прочих трактовок в Толковом словаре Даля имеет значение «божевольный человек», то есть живущий по воле Бога, что их образы Василий

Суриков и Михаил Нестеров вынесут на передний план своих полотен, что именем Василия Блаженного будет назван красивейший собор Москвы – Храм Покрова. В то атеистическое время мало кто задумывался, что уничижительно произносимое «убогий» только то и означает, что данный человек находится под защитой Всевышнего. Впрочем, и сама Тамара этого тогда не знала, просто чувствовала, что какая-то сила поддерживала ее...

В девятнадцать лет она вышла замуж. Костя был завидным женихом: высокий, статный, из-под форменной фуражки речника выбивался кудрявый казачий чуб. В свадебное путешествие они отправились вниз по Уралу. Костя – капитан теплохода, тянувшего грузовые баржи к Каспию, Тамара – повариха. Казалось, кишечный цех можно было забыть, как страшный сон.

И снова по Уралу – налегке,
 Забыв о тротуарах и газонах,
 И вижу, как в далеком далеке
 Подрагивает чалка горизонта.
 Души во власть покою не отдам.
 Пусть будет все и весело, и странно.
 А теплоход к далеким берегам
 Мосты мостит из белого тумана...
 И блещет воля гривой золотой,
 И над ее немислимой метелью
 Склонилось время светлой головой –
 По-матерински спеть над колыбелью.

Смею утверждать, что именно эти навигационные походы влюбились Шабаренину в наш край, возвели его в ранг второй родины, стали истоком многих его стихов, посвященных неброской красоте Приуралья и его богатой истории. Маринкин и Братановский яры, Пугачев и Устинья Кузнецова, старинные особняки Уральска, красавица ротонда в бывшем Столыпинском бульваре преобразились в поэтические строчки благодаря Уралу. А венчает экскурс в историю нашего края цикл стихов о Пушкине, бывшем здесь.

...Когда бы Болдинская сень
 Над Ханской рощей не сенила
 И та, еще иная сила,
 Он здесь остался б насовсем!..
 И век – не век, и год – не год:
 Урал руками разливными
 Держал и держит это имя
 И Черной речке не дает!..

Но все эти творения появятся не скоро. А пока жизнь диктует другие строки.

Ветер теребит деревьев кудели.
 Я жду апреля.
 Вышиты гладью мои рукоделья.
 Я жду апреля.
 Тяжко сугробам – круглы, раздобрели.
 Я жду апреля, апреля, апреля...

В апреле 1969 года на свет появилась дочь – Наталья. Вот только жилого пространства ребенку отмеряно не было. Комната в восемь квадратных метров

в старом бараке, четвертую часть которой занимала печка, крохотный стол размером с тумбочку был придвинут к кровати, а колыбелью для новорожденной стала детская ванночка, установленная на табуретке. Правда, через четыре года перед рождением сына Михаила семье «улучшили» жилищные условия – аж на целых четыре квадратных метра, но тоже – в бараке. Хорошо еще, что жить в такой тесноте приходилось зимой, – с началом навигации всей семьей переселялись на теплоход. Казалось бы, при таких условиях о стихах можно было забыть, – для творчества необходимо уединение. И все-таки они писались. Уже не такие безоблачные, в них стало больше печали и тревоги. Но не было надрыва и не было уныния. Откуда бралась эта песенная сила, не знаю. Да и Тамара не может ответить на этот вопрос.

В невеселых глазах
Я придумала речку,
Но не стали глаза
Веселей и сердечней.
Поселила в глазах
Журавлиную стаю.
Поселила ее –
А она улетает.

Мы встретились с ней на занятиях литературного объединения в середине шестидесятых годов. Появлялась она не часто, лишь когда могла выкроить свободную минуту.

– А ты подросла! – таким восклицанием всякий раз встречал ее наш руководитель Николай Федорович Корсунов.

Не припомню, критиковал ли кто ее стихи. По-моему, они нравились всем, подкупая слушателей своей простотой и искренностью. А читала Тамара их здорово, как пела. «Строку подбирала по звуку», – напишет она потом, правда, не о своих – о цветаевских стихах. Я бы могла с этим поспорить, ибо сама Цветаева так сформулировала свое творчество: «Не верю в стихи, которые льются, которые рвутся – да!» Но для Шабарениной музыкальный строй поэзии был и остается главным. И как часто на мое замечание, что «это слово по смыслу не очень подходит», я слышала в ответ: «зато по звукописи – точно!»

Но заканчивалось литобъединение, мы гурьбой вываливались на улицу, продолжая спорить, а Тамара спешила домой, к семье.

Когда Наташа пошла в школу, с теплоходом пришлось расстаться и снова влиться в ряды пролетариев кишечного цеха. И вдруг в один прекрасный день (а уж он-то для нее, действительно, стал прекрасным) в цех буквально ворвался директор Дома культуры мясокомбината.

– Девчата, кто из вас плакаты может писать? Выручайте!

Тамара, никогда до этого не бравшая в руки кисти, выпалила: – Я могу!

Случилось это накануне Дня Советской Армии, и над сценой должен был появиться лозунг «Да здравствует...!» ну, и так далее. Что чувствовала она, оставшись наедине с холстом и красками, понять не сложно. Как легко понять и другое: судьба давала ей шанс, и не воспользоваться им она не могла. Кто, незримый, руководил ею тогда, диктовал этапы творческого процесса, неизвестно, но ровно через сутки над сценой зрительного зала появился лозунг, прославляющий мощь Вооруженных Сил СССР. Работу нового оформителя начальство одобрило, Та-

мара была переведена в штат Дома культуры. Апофеозом своей художественной деятельности она называет огромный стенд, на котором были начертаны слова Морального кодекса строителя коммунизма.

Новая работа ей нравилась. Вскоре она стала писать сценарии для тематических вечеров, организовывать встречи с интересными людьми города. А через некоторое время заняла опустевшее место директора ДК. Она и не подозревала, что обладала организаторскими способностями. Оказалось, что за себя просить трудно, а когда этого требует дело, находились нужные слова и убежденность. Во всяком случае, вокальные группы пели, спортивные секции тренировались, отмечались все торжественные даты страны, чествовались ветераны и победители социалистических соревнований. И директор мясокомбината, представляя ее очередной проверяющей комиссии, сказал: «Тамара Михайловна – наша гордость!»

К этому времени стихи Шабарениной опубликовал республиканский журнал «Простор», она была участником многих семинаров молодых литераторов в Союзе писателей Казахстана. В 1979 году в издательстве «Жалын» вышла первая книга ее стихов «Журавлиная стая».

Николай Федорович Корсунов помог получить отдельную квартиру-полуторку. Не хоромы, конечно, но и этой безмерно рады: не надо за водой ходить, печь топить, есть куда сервант и шифоньер поставить.

Но тут грянула перестройка...

Впрочем, до общесоюзной Тамара пережила локальную перестройку: развод с мужем. Бесконечные сцены ревности, подогретые винными парами, заканчивались скандалами. Объектом ревности была не какая-то особь мужского пола, а известность жены, ее участие в поэтических вечерах, хвалебные отзывы о ней. Ну, не следовала Тамара библейской заповеди «жена да убоится мужа своего» и своду правил «Домостроя». А самым главным доводом в необходимости расставания были испуганные глаза детей, – слишком глубокой была зарубка страха, оставленная собственным детством.

И, непохожих, нас на миг
Вдруг детский смех соединит.
А после – снова полумрак,
Идешь не так, глядишь не так...
И дни несут холодный свет.
А нет тепла – и дома нет.

Тогда, оставшись одна с детьми, Тамара не слишком горевала, – еще работал Дом культуры, где она, закончив дневные обязанности начальника, превращалась в уборщицу, – все-таки приработок. Договорилась с соседями – стала мыть подъезды в собственном доме. Концы с концами как-то сводила.

А потом страна шагнула в рынок, и оказалось, что самым большим тормозом на пути к нему стали объекты соцкультбыта. На дверях мясокомбинатского клуба появился амбарный замок, Тамара оказалась безработной. И решила она заняться коммерцией, хотя все ее предупреждали, что Шабаренина и торговля, как «гений и злодейство вещи несовместные». Да и сама она уже сформулировала свое отношение к базару:

Вот жизнь наступила – не лица, а рожи! –
Купить подешевле, продать подороже...

Нужда не шадит беспросветную давку:
 Приговорит, как к расстрелу, к прилавку...
 Базар кому – решкой, кому – костоломом.
 Таскают мешки Отставные Дипломы.
 Вовеки без жалоб, и присно, и ныне
 Спасают державу штаны на ватине...

И тем не менее взяла Тамара кредит в КРАМДС-банке (кто-то сейчас еще помнит о существовании такого?) тысячу долларов, заложив собственную квартиру. Из Самары привезла партию обуви, но до прилавка не дошла. Узнав о новоиспеченной бизнесменке, в дом одна за другой стали приходиться соседки. Кто-то просил продать туфли в долг, кому-то отдавала ботинки без всякой для себя прибыли.

– Сама посуди, как я могла взвинчивать цену, я же знала, что эти люди тоже бедствуют!

Короче, расплачиваться с банком было нечем. И опять от края пропасти отвела ее чья-то сила. Она получила заказ на написание небольшой книги об истории Уральской ТЭЦ, редактор «Надежды» Юрий Баев взял ее в штат газеты. Посильную лепту в погашение кредита внесли и уже работающие дети. Основной долг был выплачен, осталось заплатить лишь пени. Бухгалтерия банка согласилась подождать, несостоявшаяся бизнес-леди облегченно вздохнула. Но тут заболела сестра, живущая в совхозе, и Тамара поехала ухаживать за ней. Сестру спасти не удалось. А когда после похорон и отведенных девяти дней вернулась в Уральск, узнала, что ее квартира выставлена на аукцион. Все дальнейшие переговоры с банком были бесполезны. Лишь через некоторое время стало понятно, почему. Некогда преуспевающее финансовое учреждение само оказалось на грани банкротства и спешно латало образовавшиеся прорехи.

КРАМДС-банк и сам преставился, но прежде
 Как даму пропустил меня вперед...

Квартира Шабарениной была продана какому-то банковскому клерку всего за двадцать восемь тысяч тенге. Вскоре новый хозяин перепродал эту жилплощадь, но уже по рыночной цене. А Тамара еще долго смотрела на мусорную свалку, где мокли под дождем никому не нужные сервант и шифоньер, ее главная недвижимость.

Наташа ушла жить к подруге, Миша устроился на работу в Аксае. Сама же Тамара на вопрос: «Как жизнь?» – отвечала: «Живу со славой!» Эта фраза имела свой подтекст.

Вячеслав Васильевич Шукуров – второй муж Тамары Михайловны. Они жили в одном подъезде, Тамара дружила с первой женой Славы. Когда Галя заболела, помогала ухаживать за ней. И как-то после ее ухода Галя сказала мужу: «Это – твоя будущая жена».

Вместе они прожили почти десять лет. «Мне все-таки было отпущено обыкновенное женское счастье!» – скажет потом Тамара. Но, видно, жизненная программа установила и на это счастье свой лимит.

Все спешишь, а дорога крута:
 Холодеют ладони.
 Нагоняют, как кони, лета.
 Не уйти от погони!

Я бы вздернула этих коней!
 Я бы бросилась им под копыта!
 Защитила б на тысячу дней.
 Неужели любовь – не защита?
 Не защита шептать у огня
 Про Иисусе Воскресе...
 Все равно оставляешь меня,
 Уходя в Поднебесье...

Была в нашем детстве такая игрушка – «ванька-встанька». Сколько не пригибай его к земле, не дави на него, а убери ладонь, и он – раз! – снова поднялся и, словно насмехаясь, смотрит на всех притеснителей. Так и жизнь Тамары – нестигаемый «ванька-встанька».

Сколько за свою жизнь я встречала людей, имеющих хороший стартовый капитал и в материальном, и в интеллектуальном плане, но так и не сумевших распорядиться им! Протрындели, пробалаболели от рождения данные возможности. А она всю жизнь вытягивала себя, как барон Мюнхгаузен из болота, к знаниям. Ведь в среде ее обитания о книгах не говорили и театральные премьеры не обсуждали.

Стояли певчей стайкой у дворов.
 За ними город, а за мной – бараки,
 – Цветаева! Волошин! Гумилев!
 А я молчала, плавая во мраке...
 Цветаева, Волошин, Гумилев.
 Их голоса, прошившие рутину.
 Спасибо им: я шла от их азов –
 Один бы Пушкин темь мою не сдвинул!

Тамара давно перестала быть камерным лириком. Болевой центр – сердце поэта – чутко реагировал на все трагедии новейшей истории, участниками которой нам «посчастливилось» стать.

Не преданы мы. И не проданы.
 Не выboliной извело:
 Подол прохудился у Родины
 И выпали мы из него... -

так отреагирует она на развал Союза.

В ее последних поэтических сборниках «Голос окраины» и «Ономастическая трагедия» нет плакатной риторики, в них – искренность переживаний (а искренность не может быть громоподобной), в них – позиция Гражданина. И как приговор разрушительным девяностым – четверостишие:

Мир сваян на лести, на зле,
 Когда папарацци из челяди
 Не знает, что есть на земле
 Две нации: люди и нелюди.

Своей гражданской позиции она осталась верна, когда в одночасье на карте Уральска перестали существовать старые названия многих улиц. Ономасты-реформаторы объяснили это восстановлением исторической справедливости. Борясь с коммунистической идеологией, они с тем же большевистским размахом, когда Ханская роща стала носить имя Горького, а Столыпинский бульвар

почему-то стал садиком имени Некрасова, избавляли наш город от имен наркомов и комиссаров. Но что идеологически вредного увидели они в Театральной улице, на которой находится старейший театр Казахстана? Какую крамолу усмотрели в улицах Красноармейской и Гвардейской, ведь в рядах Красной Армии миллионы казахстанцев прошли всю Европу, спасая мир от фашизма? И разве не гордились солдаты Великой Отечественной званием гвардейца? И какая справедливость была восстановлена, когда уничтожались именно исторические названия древней части нашего города? Увы, у этой «справедливости» есть иное название.

Да, на карте нет больше ни Стременной, ни Чичерной. А все равно они живы. Они живут в книгах Николая Чеснокова, Энгельса Габбасова, Геннадия Доронина, в стихах Тамары Шабарениной, ибо все-таки «в начале было Слово».

В словесных дуэлях
И экс-приключеньях
Калоши мои...
И местного были,
Конечно, значенья,
Но все же – бои! –

такой промежуточный итог подвела она своему творчеству...

После «Надежды» Тамара некоторое время проработала в «Приуралье», но законы журналистики она не приняла, оставаясь и в прозе – поэтом, для которого главное в творчестве – это все-таки метафоричность. В своих очерках она ставит одну метафору за другой, мало заботясь о логичности повествования, словно призывает читателя к сотворчеству. И диву даешься, следя за игрой ее воображения, когда любая банальность воспринимается как парадокс. Не верите? Откройте две последние ее книги «Лига футбольных окраин», посвященную спортсменам-ветеранам и «Сафинские рощи», рассказывающую о жизни легендарного человека, почетного гражданина Уральска Хамзе Абдрахмановиче Сафине, убедитесь сами.

Когда-то, в самом начале творческого пути, Тамара предсказала:

Суждено мне на роду
Все отведать полной мерой.
Но душа согрета верой
В человечью доброту...

Так и получилось. И отвела все сполна, и доброта людская не оставляла. Первая книга Шабарениной появилась благодаря стараниям редактора «Жалына», замечательного поэта Лиды Степановой, которая, собрав разрозненные листочки с ее стихами, перепечатала их, превратив в рукопись сборника, и добилась у директора издательства, чтобы он, сборник, был включен в план. Наталья Сладкова, создатель и руководитель народного музея «Старый Уральск» нашла деньги на выпуск ее стихотворных сборников. А выходом своих прозаических книг Тамара обязана Розе Лукьяновне Кужековой, Их помощь не была снисхождением или авансом. Они знали, что Тамара заслужила эти издания. А еще они знали, что «талантам надо помогать, бездарности пробьются сами».

Когда смолкли овации юбилейных торжеств, она сказала мне: – Хватит бездельничать, как минимум надо успеть две книги сделать!

Это ее бытие.

А быт – совершенно другое. Ее трудовой стаж, начавшийся в пятнадцать лет, государство оценило куда как скромно: пенсия Тамары со всеми индексациями не достигает пятидесяти тысяч. И вот уж, действительно, прав тот, кто первым сказал, что все на свете рифмуется: с няньки она начала работать, нянькой и закончила, ухаживая за инвалидом.

Стынь, душа:
Затянулось сраженье.
Чтоб дышали и дети, и внуки,
Ты пошла б и на самосожженье,
А не то что – в прислуги!..

Это не жалоба, жалеть себя Тамара никому не позволяет. Это трезвая оценка жизненной ситуации и своих сил. А она все-таки сильная при полном неумении приспособливаться к обстоятельствам. Потому что, как сказала Марина Цветаева: «Если душа родилась крылатой, что ей хоромы – и что ей хаты!»

...У меня есть три финальных абзаца этого очерка. Но закончу его тем, с чего начала. А именно с малахитовой шкатулки, которую нашел Павел Бажов в тех местах, где берет исток жизни и судьбы Тамара Шабаренина. В детстве она думала, что хорошо бы ей открыть эту шкатулку и стать богатой. А когда однажды она откинула заветную крышечку, то вместо уральских драгоценностей увидела другое: самоцветы слов и созвучий. И решила, что это чудо должно принадлежать всем людям...

В декабре 2016 года отмечают:

60-летие

Жумагали АРГЫНБАЕВ, прозаик
Армиябек САГЫНДЫКУЛЫ, критик

70-летие

Абдухалык МАХМУДОВ, прозаик

80-летие

Шебербек САДЫХАНУЛЫ, поэт

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

